Мурзилка

ИЮЛЬ
№ 7
1977

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

Мурзилка

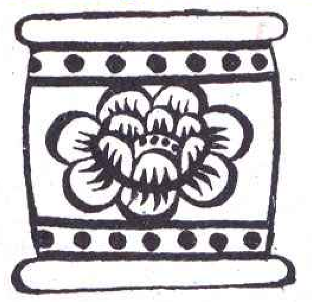
ИЮЛЬ № 7 1977

В НОМЕРЕ:

Однажды корабль оказался в Арктике.
И ВДРУГ...
Загляни на страницы 24—27.

КУЧА МАЛА!

— Почему ты мала?



— Потому что я интересная.

РОБОТЫ

Не такие уж красавцы. Зато изо всех сил стараются помочь человеку.

О-ё-ёй!

„Одуванчик"-то на Багровом озере!

*

Наш давний друг З. Александрова перевела стихи литовских поэтов.

© «Мурзилка», 1977 г.

По морям плывут корабли, мчатся по суше поезда, летят самолёты в синем небе — везут в Москву участников фестиваля.

Из стран Европы. Из стран Азии. Из Африки. Австралии. Южной и Северной Америки.

Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!» начинается в Москве 18 июля.

В Москве, и по дороге в «Артек», и в самом «Артеке», где фестиваль будет продолжаться, смешается разноязыкая речь, сольются слова и мелодии песен, танцев.

Финн говорит по-фински, араб — по-арабски, вьетнамец — по-вьетнамски — каждый на своём родном языке. Как ребятам понять друг друга?

Им это нетрудно, потому что дети планеты хотят одного и того же. Чтобы был мир. Чтобы деньги, которые тратятся на оружие, пошли на мирные нужды. Чтобы народы мира дружили и сотрудничали. Чтобы на всей Земле было покончено со страхом, голодом, болезнями детей. Чтобы у всех были такие же условия для счастливой жизни, как у ребят социалистических стран.

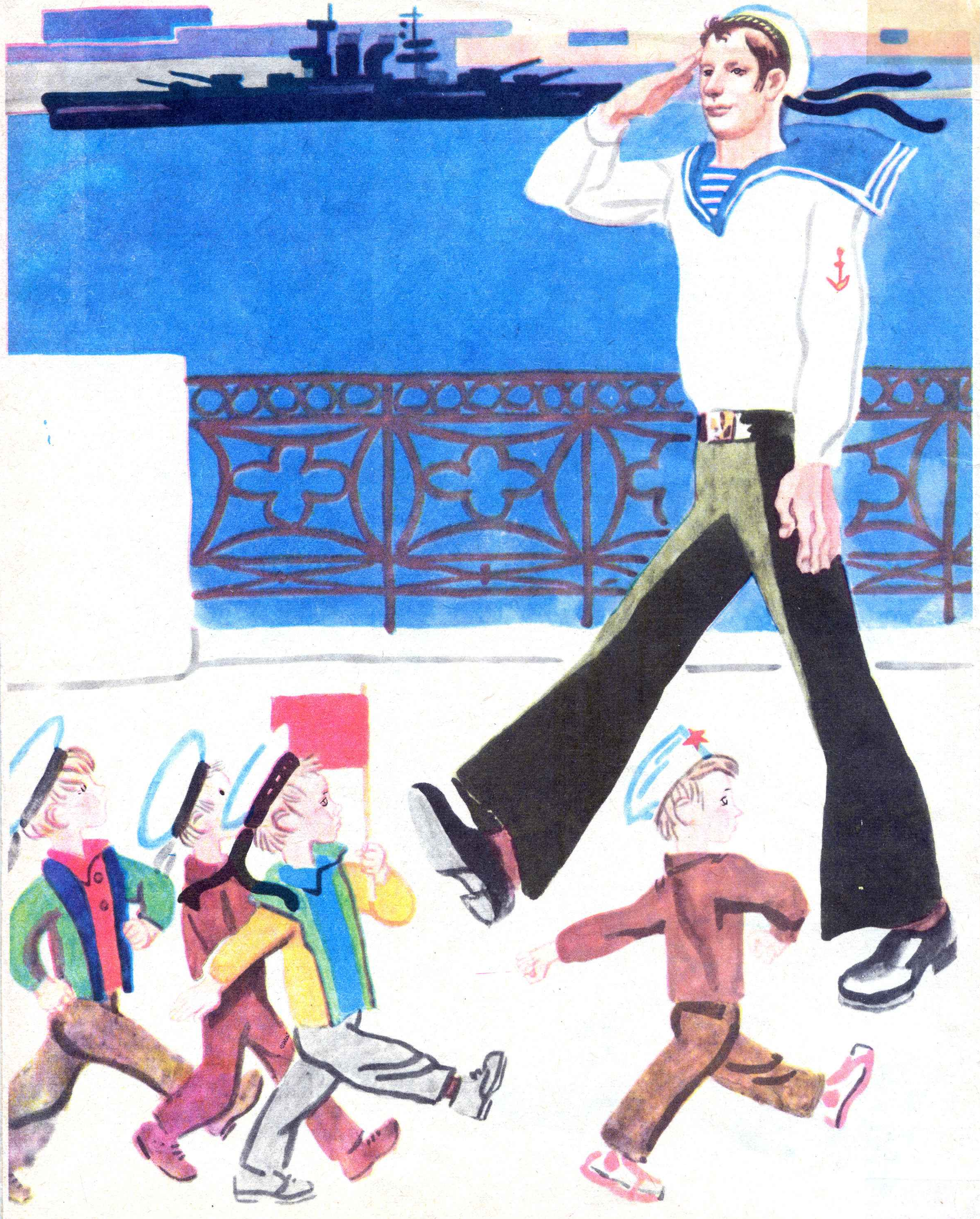
31 июля

ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

Сквозь волны грозные плывёт,
Идёт в наряд секретный
Родной страны военный флот,
Стремительный, ракетный.
Выходит в синие моря
Надёжная застава.
И говорит народ не зря:
«Морскому флоту — слава!»
Он охраняет от войны
Мир берегов родной страны.

Виталий КОРЖИКОВ

Рисунок
Тани Виноградовой, 8 лет.
Рис. В. ЧАПЛИ



МАТРОССКАЯ ЛЕНТА

Б. АЛМАЗОВ *Рис. В. ЛОСИНА*

Мой самый любимый праздник — День Военно-Морского Флота. В этот день на Неве корабли стоят. Огромные! Выше домов на набережной! Подводные лодки, как будто киты, из воды спины показывают. Оркестры играют. Нарядные моряки по городу маршируют. Водный парад проходит! А это такое... Тут и яхты, и аквалангисты, и моторные лодки с водными лыжниками, и пловцы, и ещё миллион всего!

Я всегда этот парад по телевизору смотрю. А вчера наша воспитательница Инна Константиновна сказала:

— Вы уже большие! Старшая группа! Пойдём смотреть парад на набережную!

Мы обрадовались, «ура!» закричали.

— Только условие, — Инна Константиновна говорит, — каждый должен склеить из бумаги себе бескозырку, чтобы сразу было видно — идут на праздник будущие моряки.

Мне сразу «ура!» кричать расхотелось. У меня такие руки неловкие, что я ничего ни слепить, ни склеить, ни нарисовать не умею. Всё кривое, косое получается.

— Это потому, — Инна Константиновна говорит, — что ты несобранный. За тысячу дел сразу берёшься и ни одного до конца не доводишь. Ещё танк не дорисовал — начал флаги вырезать, флаги бросил — стал зимний букет складывать. Всё делаешь неряшливо. Торопишься. Посмотри, как Вовик Лукьянов работает.

Всю жизнь мне его в пример ставят. Говорят: ты несобранный, а он внимательный, ты верхогляд, а он вдумчивый.

Я хотел попросить свою старшую сестру Веру мне бескозырку склеить, да Веры дома не было. Она в техникуме учится — неизвестно, когда у них занятия кончатся. Взял я у неё лист ватмана, это бумага такая, тюбик с клеем. Начал ножницами клацать. Хорошо, что ещё никого дома нет, а то бы сразу закричали:

— Не мусори! За тобой убирать некому!

Вырезал я, вырезал, клацал ножницами, клацал. Все пальцы у меня от клея слепились, штаны к стулу прилипли, а бескозырка не получилась. Калоша какая-то кривая вышла. А ленты! Как две кривые молнии. Такие на столбах рисуют: «Не трогать, смертельно!» Вот именно что такую бескозырку и трогать-то не хочется, не то что на голову надевать.

Совсем я расстроился. Тут в дверь позвонили. На пороге стоял моряк! Полосатая тельняшка голубела в вырезе форменки, пряжка с якорем светила мне прямо в глаза.

— Шурик! — Это был Шурик с нашей лестницы. Он год назад служить во флот ушёл. — Ты что, на побывку?

— Бери выше, Пётр Тимофеич! Десять суток отпуска! Поощрение. А что ты такой липкий? — спросил он меня.

— Да вот бескозырку делаю.

— Не грусти! Давай ножницы, — сказал Шурик, — сейчас мы из этого огурца соорудим боевой головной убор! — И он стал так ловко подклеивать, подравнивать, что действительно стала бескозырка получаться.

— Момент! — Он сбегал к себе домой и принёс настоящую матросскую ленту. На ней сияла золотая надпись: «Краснознамен. Балт. флот».

— Это мне? — Я так и ахнул. — Ну теперь все мальчишки от зависти рты пооткрывают.

— Эх! — крякнул моряк. — Ты же, Пётр Тимофеич, матросом хочешь быть, а разве моряк что-нибудь делает друзьям назло?

— Они надо мной смеются! — пробурчал я. — Говорят, я неумёха!

— А ты их попроси, чтобы тебя научили, вот ты и не будешь неумёха.

— Ну да! Буду я их просить! Вот как надену бескозырочку с настоящей лентой, все в обморок упадут...

Шурик стал задумчивым.

— Жизнь, — сказал он, — наталкивает нас на верные выводы. И тебя, надеюсь, натолкнёт. — И он пошёл к себе домой. А я стал в новой бескозырке по квартире ходить. Длинные ленты щекотали мне шею, когда я бегал по коридору, они развевались, как вымпелы. Я бы и спать лёг в бескозырке, да боялся помять.

Утром я всё думал, как бы так сделать, чтобы все ребята рты пооткрывали от удивления. И придумал хитрую штуку. Бескозырку я принёс незаметно и спрятал в кустах у забора. Пришёл в зал, где ребята собирались, и хожу помалкиваю. Они все шапки примеряют, ленты разглядывают, а я хожу помалкиваю, как будто у меня ничего не готово.

Я решил свою бескозырку показать, когда Инна Константиновна придёт и станет нашу работу принимать, а воспитательница всё не шла и не шла.

Наконец прибежала.

— Извините, — говорит, — меня за опоздание! На улице такой ливень!

— Батюшки! — посмотрел я в окошко. А там как из ведра поливает!

Выскочил я во двор, схватил бескозырку, да только поздно уже. Поволок я её за ленты в зал. Она как блин, лужи за ней разноцветные остаются. У меня сами собой слёзы текут, хорошо, что дождь щёки намочил, не видно, что я плачу.

— Ценная была бескозырочка! — Вокруг меня ребята столпились. — И лента настоящая! Как же ты на парад пойдёшь? Дождик-то уже кончается!

Вова Лукьянов стоит в стороне. Лоб наморщил. Потом побежал куда-то и вернулся с листом бумаги.

— Ничего! — кричит. — Петя, мы сейчас всё исправим. Я тебе пилоточку сложу! Будешь офицер с подводной лодки! Они там все в пилоточках ходят.

До чего Вовка находчивый, как настоящий моряк. Складывает, приглаживает. Для меня старается! Вот он какой товарищ!

Посмотрел я на его бескозырку, склеена хорошо, а лента плохая — полиэтиленовая.

— Знаешь что, — говорю, — возьми мою ленту!

Вова даже покраснел, так обрадовался.

— Вот и хорошо, — сказала Инна Константиновна. — Сейчас я ленту горячим утюгом выглажу. А для тебя, Петя, есть настоящие курсантские погоны с якорями, совершенно случайно у меня оказались.

И она пришила мне к пиджачку замечательные настоящие погоны. Кончился дождь! Мы пошли на парад. Я шёл впереди, потому что я же как будто офицер! Вовка шёл рядом. С флажком. Мы пели морскую песню:

Какого, парень, года?
С какого парохода?
И на каких морях ты побывал, моряк?

Все встречные смотрели на нас и улыбались. А на набережной мы встретили Шурика.

Шурик посмотрел на мою пилотку, увидел ленту на Вовкиной бескозырке.

— Похоже, — сказал он, — что жизнь натолкнула тебя на правильный поступок и ты всё понял?

— Ага! — ответил я. — Понял. Хорошо, когда товарищи помогают, а ещё лучше, когда сам можешь для них что-нибудь хорошее сделать.

— Точно так! — ответил Шурик. — Если ты это понял, то, что бы ни красовалось у тебя на голове, душа у тебя настоящая, матросская!

И он отдал мне честь!

НАГРАДЫ РОДИНЫ

ОРДЕН КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Красные звёзды украшают башни Московского Кремля. Красные звёздочки — на фуражках советских воинов. Пятиконечная звезда — символ единения пяти материков Земли, дружбы всех народов.

Одна из высоких наград нашей страны — тоже красная пятиконечная звезда. В её середине — серебряное изображение воина.

Орден Красной Звезды учреждён в 1938 году. А в годы Великой Отечественной войны были учреждены новые правительственные награды, в основе которых пятиконечная звезда. Это полководческие ордена Победы, Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского и солдатский орден Славы. В той войне советские люди защитили от фашизма не только свою Родину, но и страны всей Земли.

НАШ КОНКУРС

Пусть художники не очень умелы, но сразу видно, рисовали они от души!

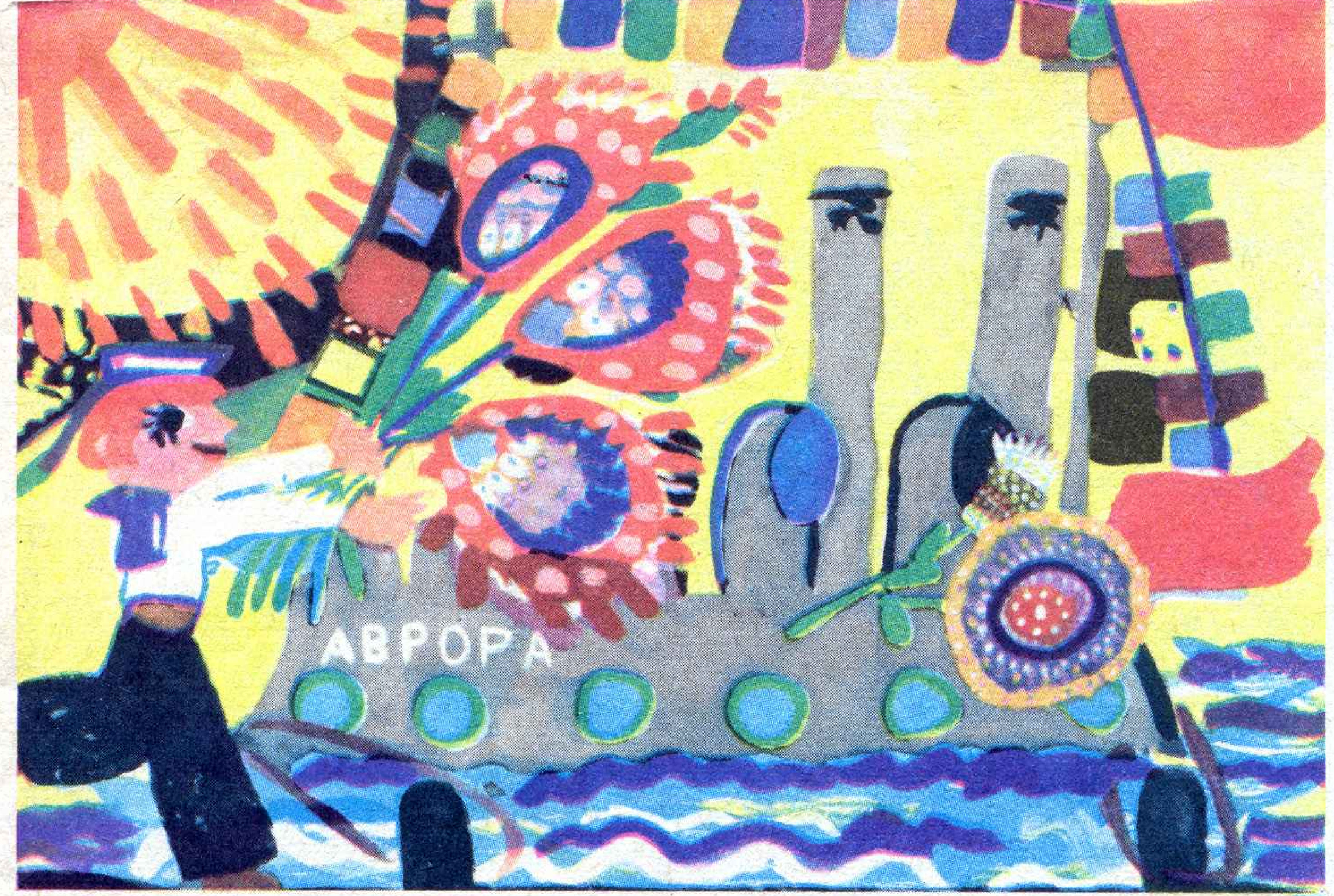
Вот матрос с «Авроры», быть может, тот самый, что по приказу Владимира Ильича Ленина дал сигнал к началу восстания... Серьёзно лицо матроса, задумчивы его глаза. Он знает: впереди ещё много боёв...

А рядом праздничные рисунки. Люди выходят на главную улицу Ленинграда — Невский проспект. На картинке праздник Великого Октября.

Вечером в свете прожекторов особенно торжественным станет крейсер «Аврора». Бьёт, взрывается весело разноцветный салют, а молчаливые пушки «Авроры» вспоминают тот легендарный залп...

И ещё есть тут рисунок — про космос. Красивый рисунок. Сразу видно, как стремительно мчатся ракеты... Но, может, он здесь не совсем на месте? Ведь все остальные рисунки о революции, о празднике Октября.

НАШ КОНКУРС



Да нет. Рисунок помещён правильно! Богатырский гром ракет, и бескрайняя тишина целинных полей, и могучие плотины на Ангаре, на Волге, на Днепре, и серебряно звенящая дорога БАМ, что летит сквозь тайгу, и многое-многое другое, а по существу, вся наша жизнь — это всё Революция, Ленин. Мысли, мечты, заветы Владимира Ильича стали нашими делами и победами.

Сейчас все советские люди обсуждают проект новой Конституции СССР — основного закона нашего государства. В Конституции закреплены величайшие завоевания революции, наши победы и достижения за шесть десятилетий славной советской истории.

Рисунки Никиты Сергеева, 7 лет; Саши Коваленко, 6 лет; Оли Пащук, 8 лет; Марины Тихоновой, 6 лет.

ОКТЯБРЯТА — ПО СТРАНЕ ОКТЯБРЯ

Виталий КОРЖИКОВ

ГОСТЬ

Рис. М. МАЙОФИСА

После долгого плавания в жарких морях мы отправились в Арктику к полярникам, вышли в Чукотское море и стали ждать ледокола.

Я приготовил с друзьями буксирный трос и посмотрел за борт: не появится ли где-нибудь белый медведь. Вокруг всё сверкало, вспыхивало, толкались мокрые ледяные глыбы, вон поплыл ледяной кашалот, а вон — весь в сосульках — целый ледяной слон.

На палубу один за другим выбегали машинисты, коричневые — только из Индии! — вдыхали снежной прохлады, окидывали взглядом горизонт и качали головой:

— Ну сила!

Но вот вышел из токарной мастерской мой дружок Гриша, хрустнул плечами, упёрся загорелыми руками в борт, кивнул уже было: «Ну...» — и вдруг вскрикнул:

— Ты смотри!

Я оглянулся. Ничего нового. Лёд и вода. Вода и лёд!

— Да вон левей! — Гриша показал вперёд жёлтым задубевшим пальцем.

Тут и я подался вперёд.

К нам несло резную, как дубовый лист, льдину. За ней выныривала усатая нерпичья голова, а на льдине сверкал от солнца белый, прямо сахарный, нерпёныш, белёк.

Нерпа всё прыгала из воды, но только подгоняла льдину. Нерпёныш тревожно смотрел на чёрный борт, и глаза у него становились большими и чёрными.

— Возьмём? — быстро спросил Гриша.

— Так он же маленький!

— В гости, на часок, — крикнул азартно Гриша. — Спускай трап!

В гости можно! Я нажал на кнопку, трап со скрипом поехал вниз.

Гриша быстро застучал каблуками по металлическим ступенькам и, как только льдина ткнулась в борт, подтянул её ногой, изловчился и пятернёй подхватил испуганного нерпёныша.

— Ну, видел? — крикнул Гриша, взбегая, и поднял белька над собой.

Нерпёныш мигнул, дёрнул ластами, хвостом — от меха так и посыпались брызги с инеем, а вокруг запахло морозом и свежей рыбой.

— Держи! — сказал Гриша.

Я протянул руки вперёд и улыбнулся; пальцы сразу спрятались в белый пух, а в ладонь что-то толкнулось: тук-тук-тук.

Из пушистой морды глянули на меня два глаза, посветлели — и вроде тоже улыбнулись!

— Вот это да! — сказал я. — Сияет, как снег!

— Как полюс! — поправил Гриша, стряхнул иней у себя с чуба и снова подхватил белька.

У трапа уже толкалось полкоманды, и все просили: «Дай подержать! Ну хоть погладить!» Механики оттирали от масла ладони, дневальная протягивала передник. А Гриша чудил:

— Руки получше отмойте! И не курить возле ребёнка.

Все хохотали, но отворачивались и выпускали клубы табачного дыма в сторону.

Но тут сквозь толпу протолкался дядя Вася, наш повар, глянул снизу на белька цепкими глазами:

— Вот это шапка!

Все примолкли. Ну и сказал!

— А что? Шапка выйдет, — повторил дядя Вася, сверкнул металлическими зубами и посмотрел на Гришу. — Сам делать будешь? А то продай! У меня знакомый скорняк есть — такую шкурку сделает!

Он вытянул губы и дунул бельку в бок. Мех распушился, как одуванчик, засиял серебряными иглами, а белёк быстро задёргал хвостом.

— Да ты что? — сказал Гриша и поднял белька ещё выше, к свету. — Ты что, в себе ли?

— Ну уж, — нашёлся повар, — и пошутить нельзя.

Ничего себе шуточки!

— Ты бы его лучше угостил чем-нибудь вкусным, — сказал Гриша. — Гость ведь!

— Это мигом! — обрадовался повар, в минуту вынес из камбуза банку сгущёнки, ударил в крышку раз-другой ножом и подцепил пальцем густую нить молока. Но белёк только испуганно дёрнулся и пополз по палубе.

— Колбасы бы принёс! — закричали кругом.

— Мигом! — согласился дядя Вася.

Но нерпёныш и от колбасы отвернулся.

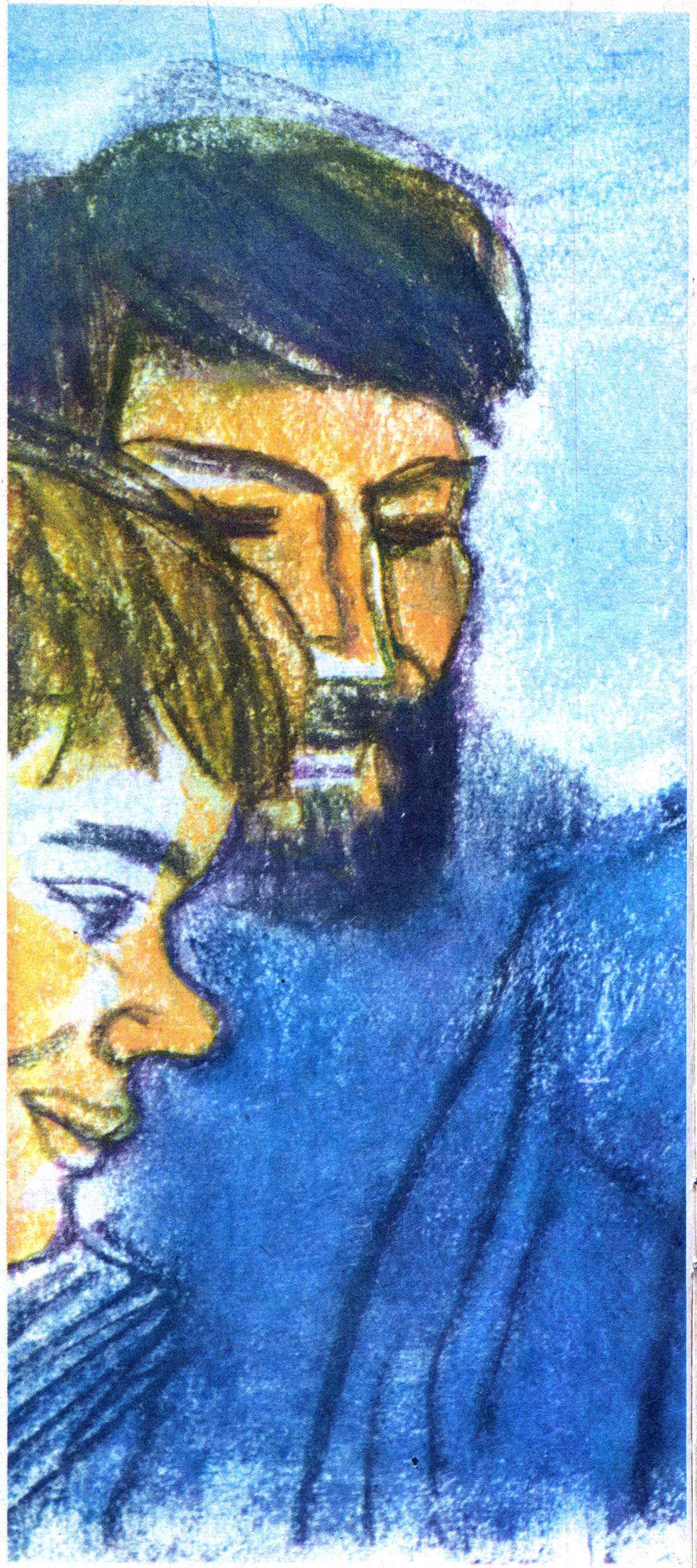
— Не, — сказал дядя Вася. — Не его еда. Ничего не возьмёт! Зверь!

А я подумал: «Посмотрим!» Подбежал к доктору, выпросил флакон рыбьего жира и вернулся на палубу:

— Ну-ка пустите.

— Ха, станет он тебе эту дрянь пить! — съязвил дядя Вася.

Но я плеснул из флакона немного жира в ладонь, поднёс бельку, он выпрямился на ластах, посмотрел на руку влажными глазами, повёл ноздрями и — раз! — ткнулся носом.



Я даже засмеялся: усы-то у него щекотные и язык шершавый. Я плеснул жира ещё и отодвинулся, белёк потянулся за мной. Шлёп-шлёп ластами. Я отвёл руку в сторону — и нерпёныш за ней. Тычется прохладным мехом. Ещё просит!

Мы совсем было завозились. Но подошёл ледокол. Из рупора громыхнула команда капитана — даже льды заколыхались, и все бросились по местам.

Я шлёпнул нерпёныша легонько по носу:

— Так-то! Погостил, и хватит. У тебя морские дела, и у нас тоже!

А Гриша спустился с ним по трапу:

— Будь здоров! Привет маме! — и бултых его в воду.

Мы двинулись за ледоколом, закачались мимо нас опять ледяные слоны, крокодилы, зашумели команды: «Давай буксир! Принимай буксир!» Работа.

Но я всё-таки выбрал минуту, выглянул за борт — что там? — и ахнул! Дружок-то наш плывёт за нами! Тянутся рядом с бортом две усатые головы: одна белая, другая жёлтая. Нерпа-мать беспокоится, отталкивает сына, а он торопится за пароходом. Нерпа от борта, а он к борту. Мать в сторону, а белёк вперёд!

Уже и ледяное поле пробили, и на чистую воду вышли, а я всё вижу — или кажется: гребёт вдали наш маленький полюс, работает ластами.

А куда это он, чудак, собрался? За нами в дальнее плавание?

Так долго нам ещё ходить-плавать. Ох, долго!

А Гриша тоже выбежал к трапу, посмотрел в ледяную даль, засмеялся:

— Вот как ему рыбий жир понравился. Побереги, — говорит, — пузырёк. Пойдём домой — обязательно встретимся. Ещё пригодится!

С удмуртского

Маковы цветы

Тили-тили! Тари-тари!
Вы такого не видали!
Вся деревня, весь народ
Мчится к Тане в огород.
Бежит через дорожку
Смотреть не на картошку,
Не на брюкву крепкую,
Не на свёклу с репкою,
А на маковы цветы
Небывалой красоты!
На цветы прекрасные,
Алые да красные!

Народную песенку записал
П. ПОЗДЕЕВ
Перевёл Л. КУЗЬМИН

Туесок

А. ЛЕОНТЬЕВ

Подарил мне дедушка
Туесок,
Я пойду по ягоды
Во лесок.

Я найду поляночку
Во бору,
Земляники-ягоды
Наберу.

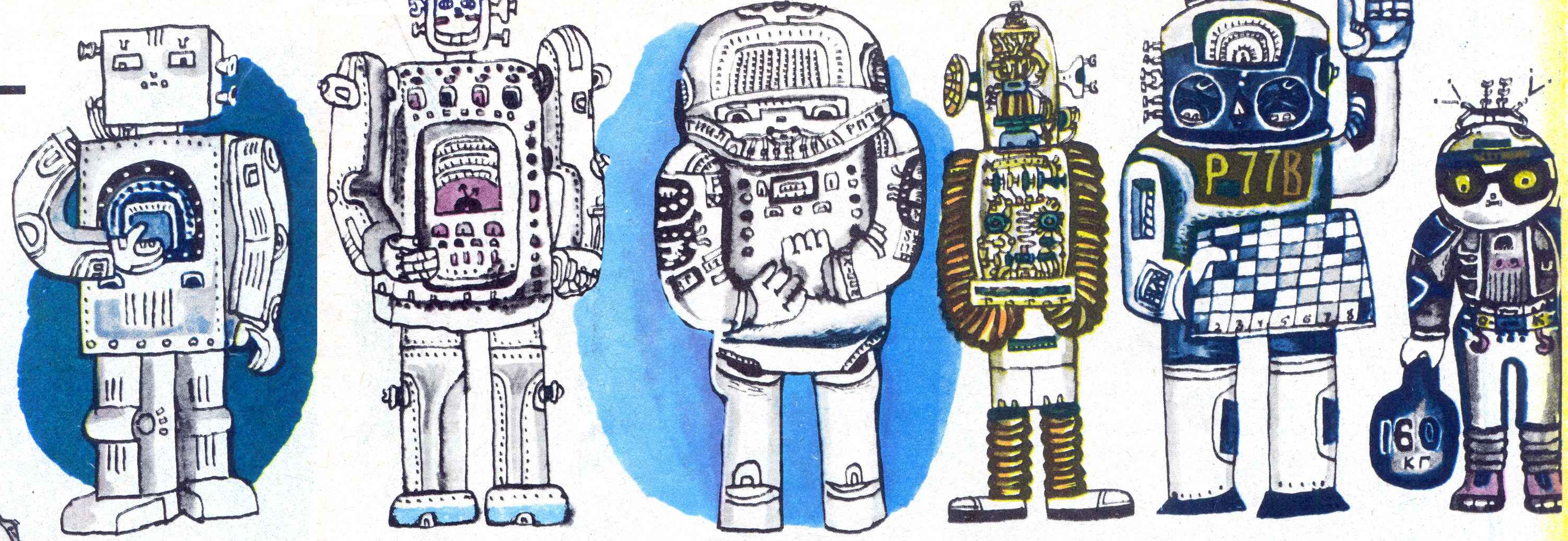
Наберу малины я
Во лесу
И в подарок дедушке
Отнесу.

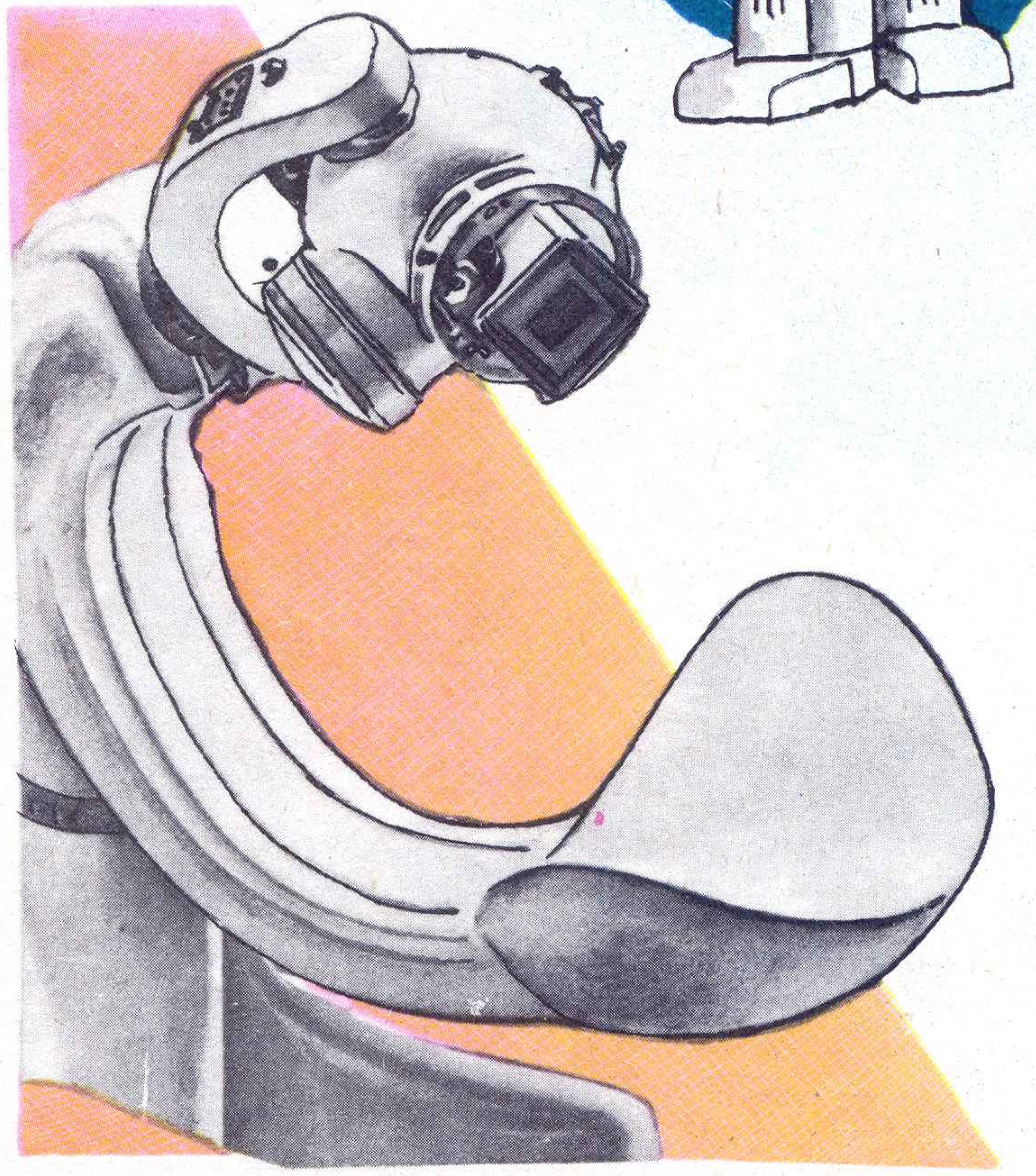
Перевёл В. ДАНЬКО

РОБОТ— ПОМОЩНИК ЧЕЛОВЕКА

А. ЛЕЛЬЕВР

Рис. Л. НИЖНЕГО





Многие считают: робот — это такая машина, которая внешне обязательно похожа на человека и которая умеет делать всё, что умеет делать человек.

Однажды на улицах большого города появился робот-регулировщик. Внешне он очень походил на человека и делал то, что положено делать регулировщику.

Но больше он ничего делать не умел.

Любой взрослый человек знает таблицу умножения. Спросите робота-регулировщика, сколько будет дважды два, он не знает. Спросите, сколько будет один плюс один, — не знает. Он умеет только регулировать уличное движение. Для этого его и построили.

Наверху нарисована целая компания роботов. Один из них моментально решает задачи, второй мгновенно переводит с русского на японский, третий играет в шахматы, четвёртый поднимает тяжести. Конечно, каждого из них можно построить в виде ящика, или в виде тумбы, или в виде шкафа. Но их сделали похожими на человека, так получилось веселее, забавнее.

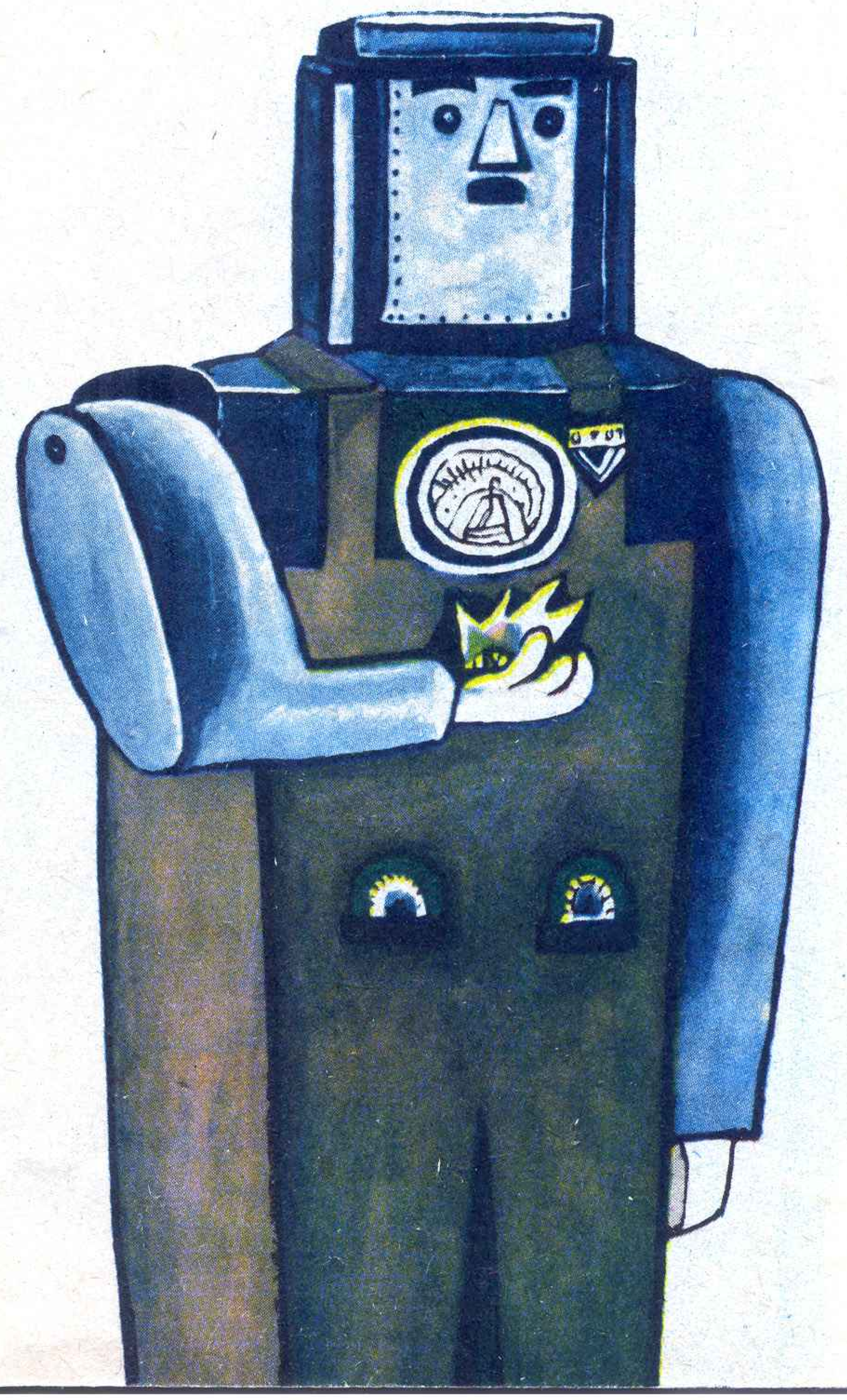
Вот нарисован ещё один робот (внизу слева), робот-лекарь. Лечить людей — дело серьёзное, поэтому робота не стали делать забавным, у него есть только самое необходимое — манипуляторы, которые находят больное место, и приборы, которые этими манипуляторами управляют.

Ещё один робот (рисунок внизу справа) — подводный разведчик. Похож на краба. Потому что так удобнее передвигаться по дну, собирать камни, водоросли.

Человек поручил роботу свои самые трудные дела. Человек, скажем, не может шагнуть в атомный реактор, чтобы найти там поломку. Робот может. Человек не может без водолазного костюма ходить по дну океана. Робот может. Человек не может без скафандра гулять по другим планетам. Робот может.

Недавно в Москве проходила международная выставка «Роботы-77». Наша страна показала на выставке своих лучших роботов. Некоторые из них уже работают, некоторые начнут работать очень скоро, ещё до конца десятой пятилетки.

Этого робота создали харьковские учёные. Положишь ему в руку графит — а он через некоторое время вернёт вам драгоценный алмаз.



РОБОТ КИБЕРБОН

В. ДАНЬКО
Рис. Л. НИЖНЕГО

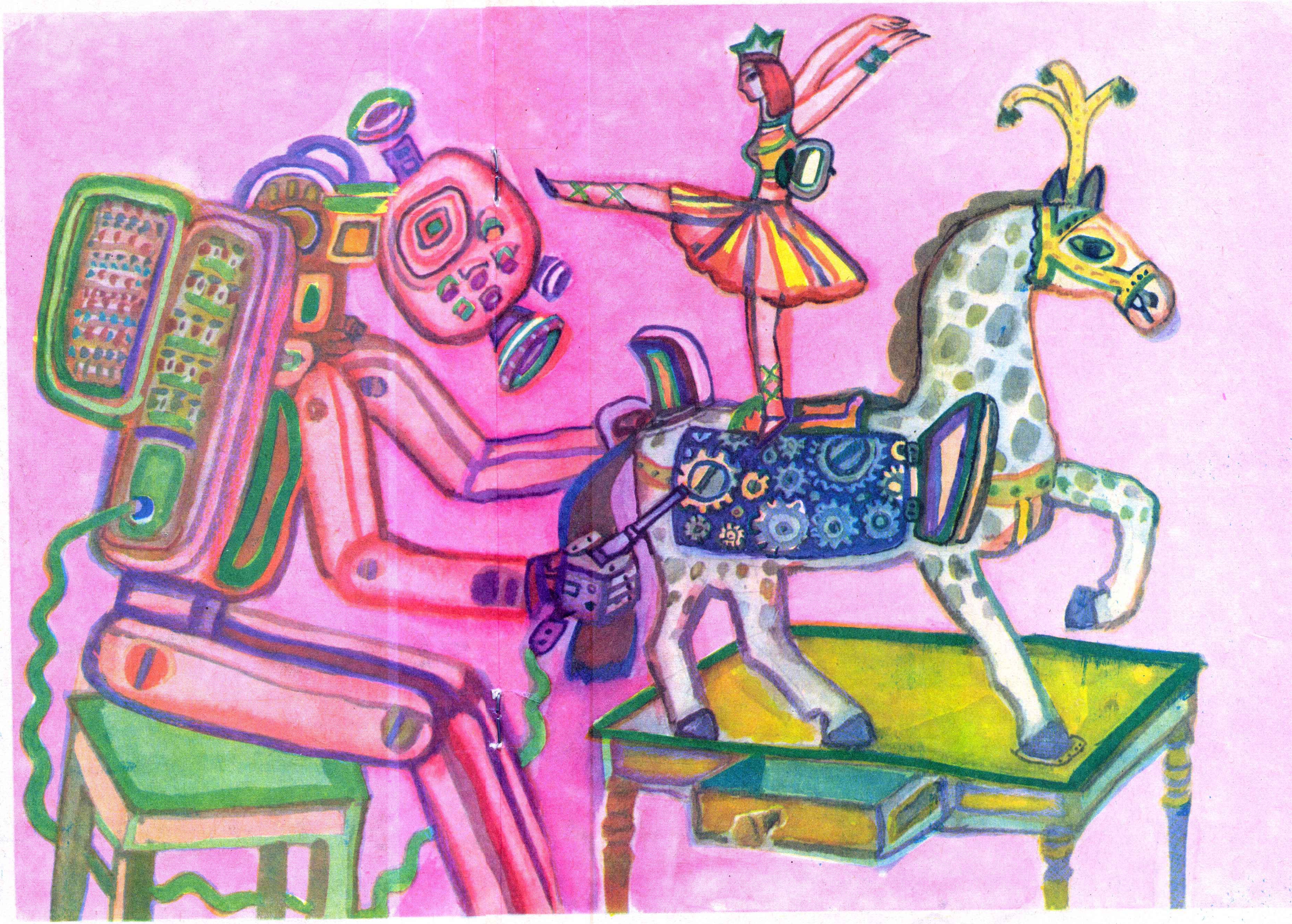
Нет такого, что не сможет
Сделать робот Кибербон.
И сложить и перемножить
Нам всегда поможет он.

Он заучит все даты,
Что забыл я когда-то.
Он запомнит события,
Что могу позабыть я.
Зной, пустыня, снега, холода
Не пугают его никогда.
Может он не дышать,
И не есть, и не спать,
Одиноко он может ходить
По планете чужой,
Под чужою звездой,
Там, где мы не сумели бы жить.

Говорит Кибербон:
— Оттого я силён,
Оттого я и ловок и прочен,
Что с макушки до ног
Каждый мой проводок
Был любовно припаян
Рабочим.

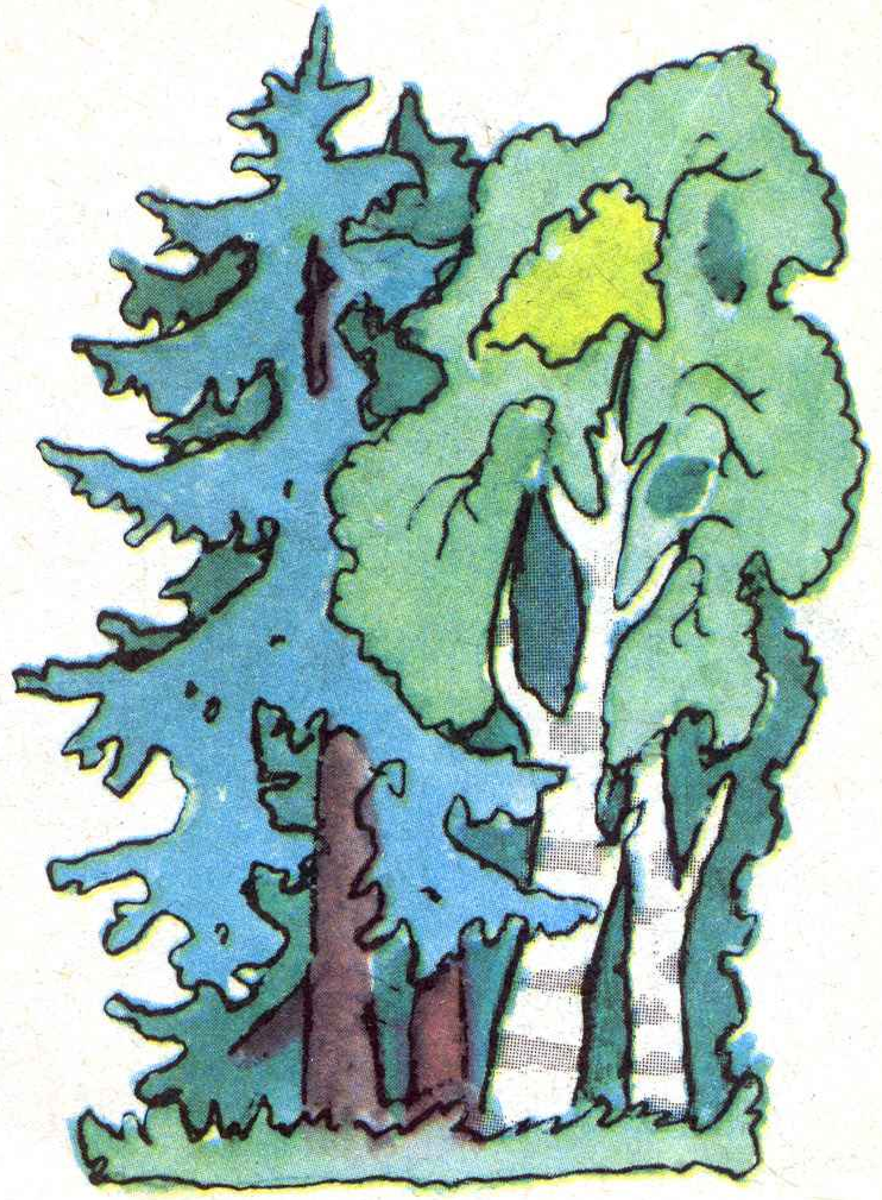
И сказал Кибербон:
— Оттого я умён,
Что подарен мне мозг
Электронный.
А придумал его
И меня самого
Знаменитый и добрый
Учёный.

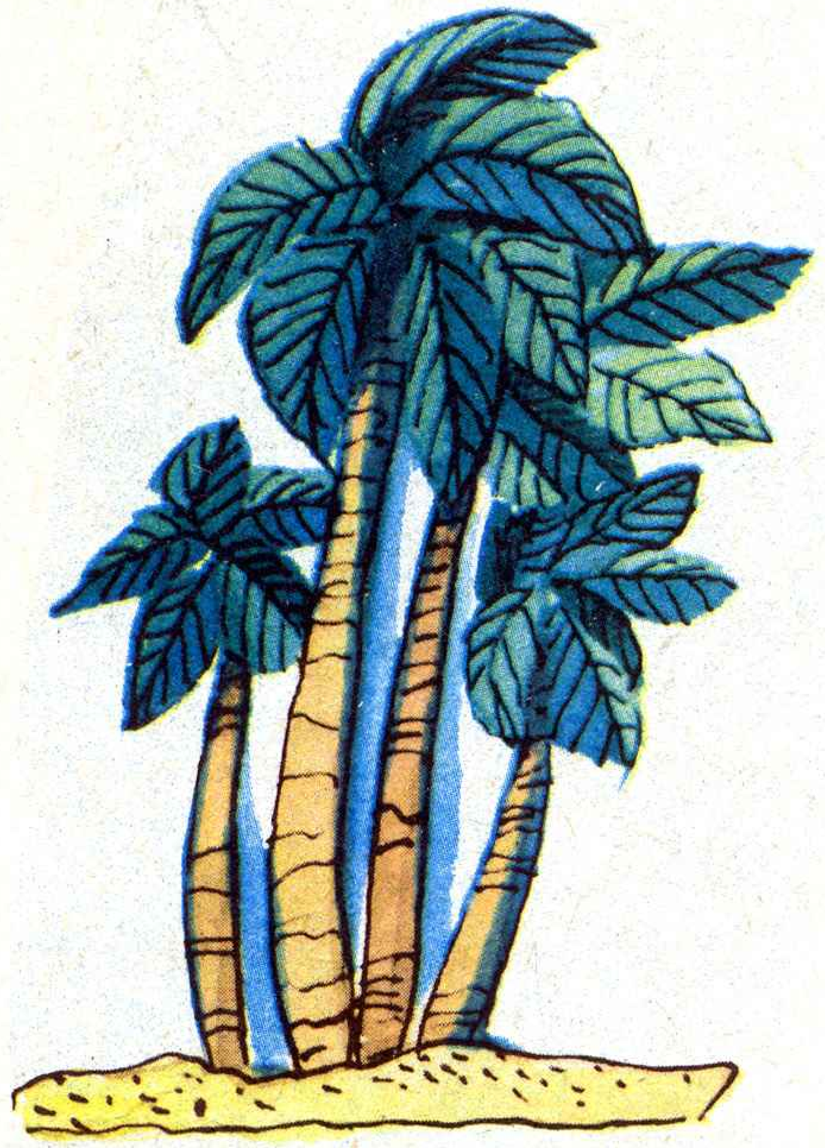
К весёлым стихам и рисунок весёлый. Сидит Кибербон, пыхтит Кибербон, но не хочет скакать механический конь.



СВЕТА ТАНЦУЕТ ПАЧАНГУ

Л. МУРАШОВА





Люблинский Дворец пионеров — новое просторное здание. Оно стеклянное, и если смотреть с улицы, как будто настоящее представление видишь. Вот клуб юных моряков. Все ребята — в морской форме, в бескозырках — учатся строевому шагу. Юные моделисты и техники совершенствуют свои модели: одни красят, другие пробуют заводить мотор. В мастерской художников — тишина и порядок: за мольбертами стоят юные художники и рисуют картинки, посвящённые Международному детскому фестивалю «Пусть всегда будет солнце!». А здесь занимается хореографический кружок. Ребята разучивают кубинский танец пачангу. С ним они выступят на концерте, тоже посвящённом детскому фестивалю.

Ольга Петровна Рахманинова, руководитель кружка, хмурится. Вроде и точны движения ребят, и маракасы звучат ритмично, а не хватает кубинскому танцу веселья и азарта. А значит, и танца не получается.

— Алёшенька, — говорит она, — ты ведь кубинский танец исполняешь. Танцуй его легко, быстро, задорно. И маракасы — это не детские погремушки, а национальный инструмент. Он подчёркивает самое важное в танце — ритм.

Алёша смотрит на маракасы, в самом деле немножко похожие на детские погремушки, и вздыхает: нелегко даётся кубинская пачанга!

Ольга Петровна садится на стул, и ребята — в кубинских костюмах, весёлые, оживлённые — слушают её. Она рассказывает им о Кубе, о кубинской революции, о новой, справедливой народной власти. Говорит о том, что кубинский народ знаменит во всём мире своей удивительной музыкальностью. В песнях и танцах — душа весёлого кубинца: его любовь к синему морю, к высоким пальмам.

И ещё — преданность труду. Больше всего трудятся кубинцы на плантациях сахарного тростника. Он гордость Кубы, его богатство.

Недаром самое ласковое слово, которым кубинские мамы называют своих сыновей и дочек, — сахарный, сахарная.

И опять репетиция. Ребята стараются правильно повторить движения танца, которые показывает им Ольга Петровна.

У Светы Матюшиной, ученицы 3-го класса, очень хорошо получается танец. Она танцует пачангу легко, весело. Стремительно разлетаются оборки её нарядного платья, совсем как у настоящей кубинки. Вот только волосы у Светы не чёрные, как у кубинских девочек, они совсем-совсем светлые.

И есть у Светы одна заветная мечта.

Через год в Гаване откроется Всемирный фестиваль молодёжи и студентов.

Один его день отдадут ребятам. Мальчики и девочки со всего мира покажут свои национальные танцы, споют песни. И Света, светловолосая советская девочка, очень хочет поехать на Кубу и показать гостям фестиваля свою пачангу.

Рис. В. ВИНОКУРА

Фото И. ГОЛОДНОГО

Цветан Ангелов

из цикла

„Летние тропинки"

Перевёл с болгарского Игорь МАЗНИН

Лесок

На горе, как поясок,
Молодой блестит лесок:
Редкий, низкорослый,
А шумит, как взрослый...
Может даже две-три сказки
Рассказать вам без подсказки!

Рыбка

Целый день
Купается в реке
Рыбка
От меня невдалеке.
— Ну-ка, рыбка,
Отплыви чуть-чуть,
Мне ведь тоже
Хочется нырнуть!..

Ж-ж-ж

Жатва.
Жарко.
Солнце жжёт.
Где-то жук кружится.
Быстро-быстро жито жнёт
В жёлтом
платье
жница.

Просьба

Если мы попросим лето
Задержаться на чуть-чуть,
Ты простишь нам, осень, это?
Подождёшь пускаться в путь?

Скоро осень

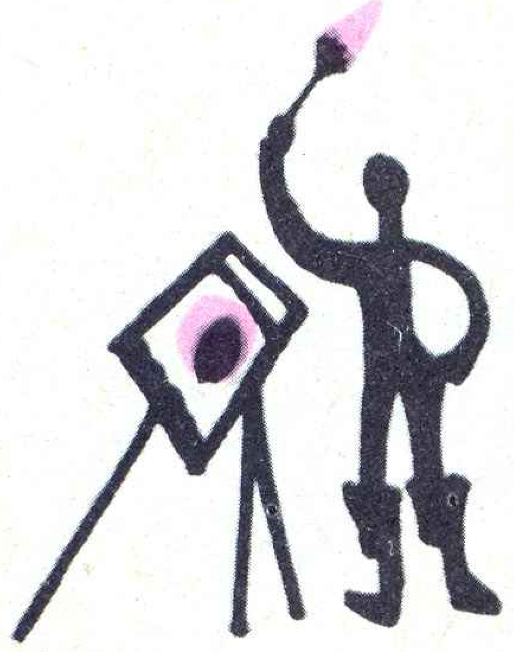
Август...
Мама хлеб печёт.
Облака несут прохладу.
— Зрей скорей, —
Поёт сверчок,
Обращаясь к винограду.

Рис. М. БАСМАНОВОЙ

ПЛАВАНИЕ НА „ОДУВАНЧИКЕ“

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Юрий КОВАЛЬ
Рисунки автора



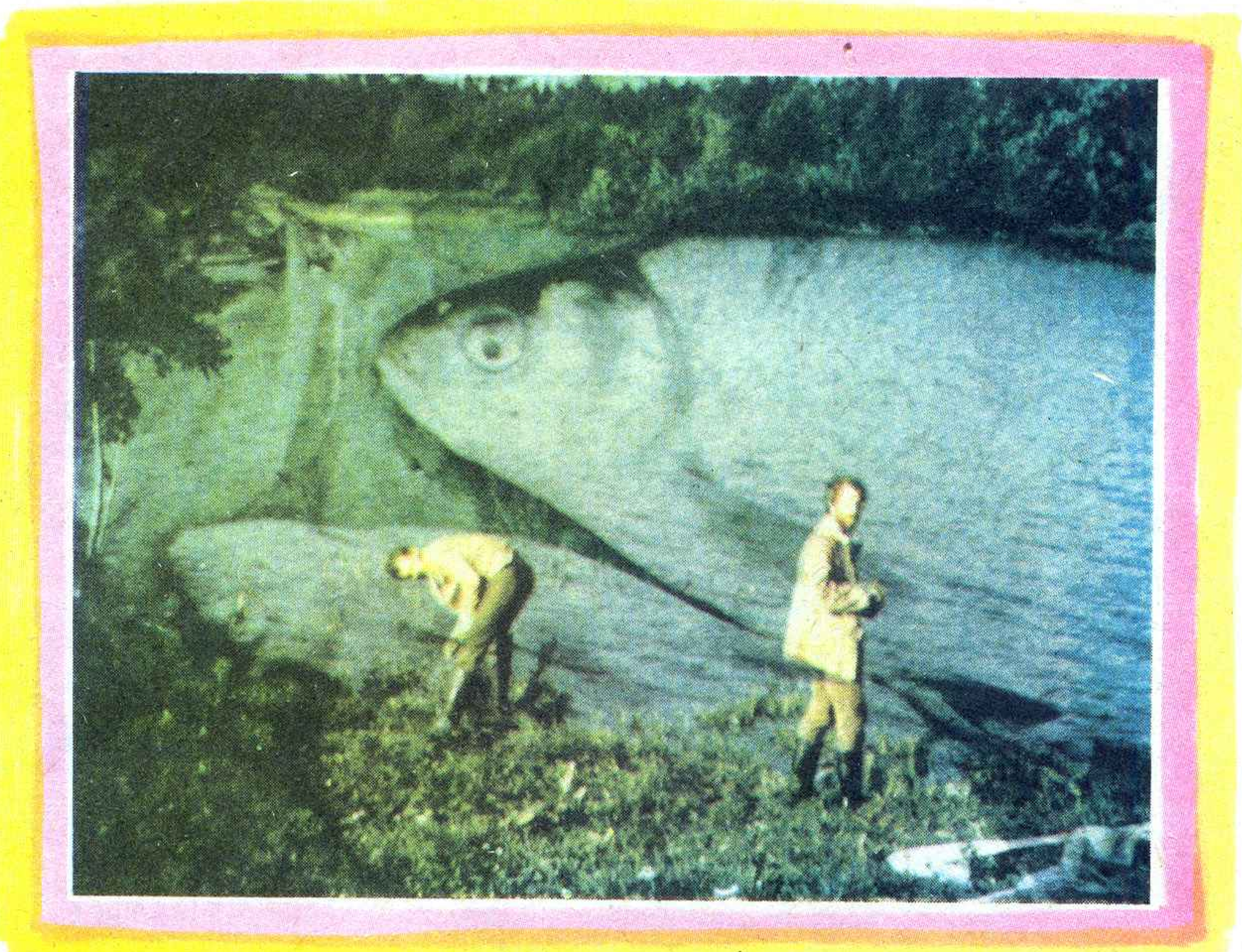


Фото В. УСКОВА

ПОКОРИТЕЛЬ БРЁВЕН

Всю ночь кто-то ходил вокруг палатки. А утром я выглянул и увидел двух ежей, которые доедали нашу пшённую кашу.

Оставив ежам немного хлеба, мы погрузились в лодку и на рассвете двинулись дальше.

Мы медленно плыли по протоке — узкому коридору среди заросших трестою болот. Протока была так узка, что я, отложив весло, цеплялся за болотные травы и подтягивал «Одуванчик» вперёд.

С кустов, которые я дёргал и шевелил, на нас сыпались спящие жучки и мотыльки.

Протока вела к Багровому озеру, и мы знали, что на озере этом давным-давно никто не бывал.

— Всё, — сказал Усков. — Дальше мы не пройдём.

Поперёк протоки лежала почерневшая суковатая берёза.

Упираясь веслом в дно, Усков вылез из лодки и встал на берёзу. Медленно, неохотно она затонула под его тяжестью. Стараясь не напороться на острые сучки, я провёл над берёзой лодку, чуть задев её дном.

Не проплыли мы и десятка шагов, как наткнулись на новую преграду. Теперь это уже был какой-то осиновый крокодил, которого утопить не удалось. Балансируя веслом, капитан наступил на высокую болотную кочку, которая сразу закашляла под его сапогом. В высоких болотных сапогах на кашляющих и хрипящих болотных кочках Виктор Усков стоял как болотный памятник Великому Покорителю Брёвен. Над головой его носились утиные стаи.

Приподняв немного крокодила, Усков подпёр его снизу колышком, и получилось что-то вроде медвежьей ловушки. Сибирские охотники иногда подвешивают над тропой бревно, которое в нужный момент и валится медведю на голову.

Съёжившись, проплыли мы под крокодилом и сразу увидели новое, уже совсем неприятное бревно. Оно только чуть высовывалось из воды.

— Ничего не поделаешь, — сказал Усков. — Или будем рубить его топором, или придётся возвращаться.

Он потыкал бревно веслом.

— Его и не сдвинуть, — сказал он, ткнул бревно ещё раз — и тут оно лениво шевельнулось, высунуло из воды зелёный глаз, грохнуло хвостом и уплыло, возмутив воду в протоке.

На обычной лодке через протоку пройти к Багровому озеру ещё никому не удавалось, а мы прошли.

БАГРОВОЕ ОЗЕРО

Воткнув вёсла в илистое дно, мы привязали к ним «Одуванчик», закинули удочки.

— Здешняя рыба, наверно, и в глаза червяка не видала, — шептал Усков, — надо её как-то приманить.

Он высыпал в воду горсть геркулеса.

Взошло солнце. Осветило озеро, и тут я понял, как черно и бездонно оно. Казалось, лучи совсем не проникают в тёмные воды. Озеро отталкивало их, не открывало солнцу своей глубины.

Мне стало как-то не по себе. Я подумал, что в озере этом нет жизни — оно мертво, и кто знает, как глубоко в землю уходит его дно.

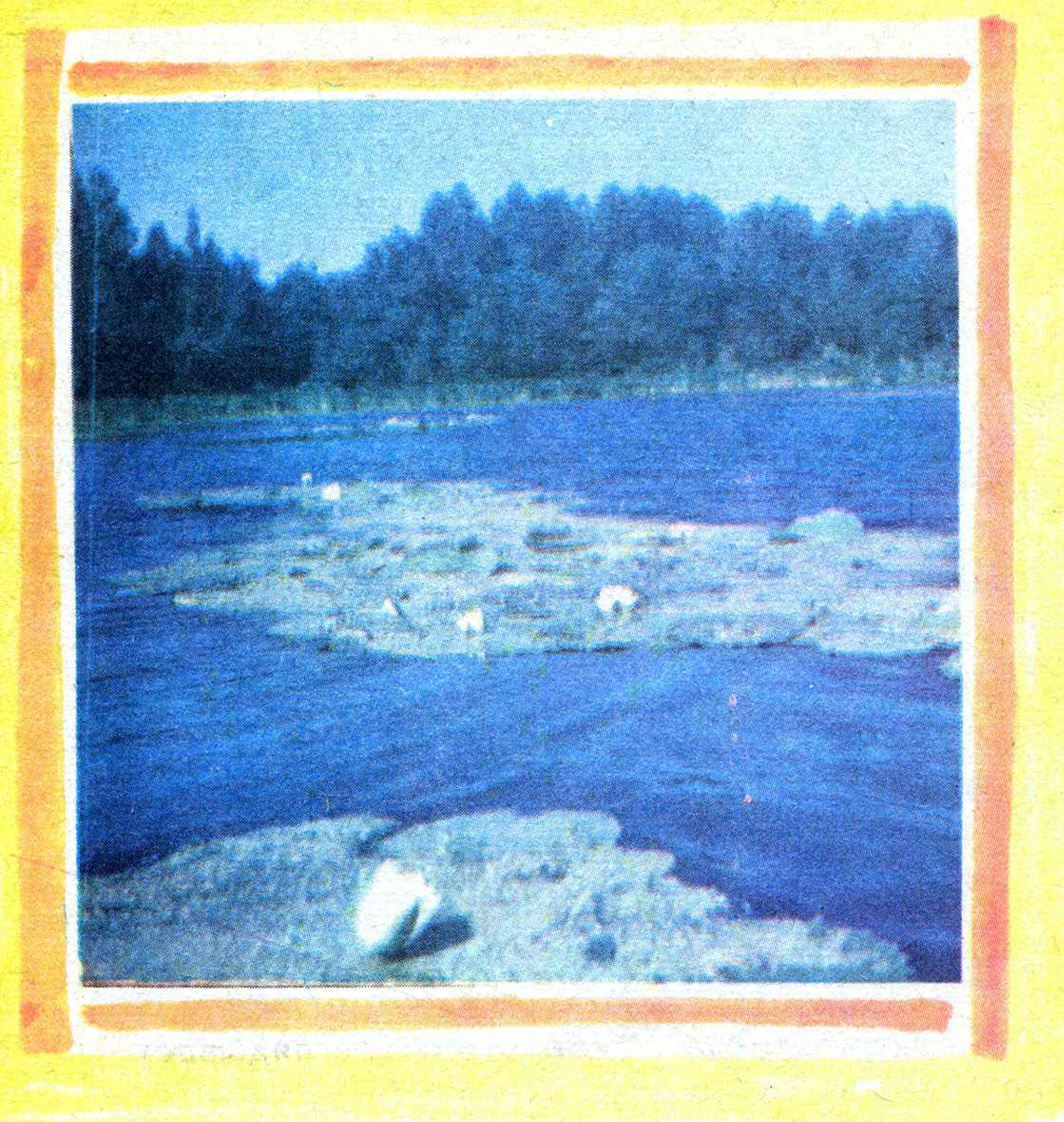
Усков сидел не шевелясь и даже перестал сыпать в воду геркулес. Этот геркулес, наши удочки и червяки, которыми мы собрались приманивать жителей Багрового озера, как-то глупо, чепухово выглядели перед спокойным и даже грозным молчанием озера.

В тишине послышался шелест. Оглядевшись, я увидел, как из воды высунулся чёрно-зелёный конический бутон. Из бутона, как из приоткрытого рта, показался ослепительно белый язычок. Бутон открывался на глазах и превратился в кувшинку-лилию с яркой солнечной сердцевиной.

Поплавок чуть шевельнулся. Я сразу заволновался — рыбина «понюхала червячка». Поплавок капитана тоже шевельнулся. Рыбина «понюхала» и его, чтоб выбрать, какой интересней. Усков немедленно принялся сыпать геркулес. Но рыбина, наверно, уплыла — поплавки больше не шевелились.

А может быть, она стояла неподалёку и глядела снизу задумчиво на нас? Наверно, к ней подошли и другие рыбины, и все они окружили «Одуванчик», рассматривали нас, раздумывали, перешёптываясь.

Рядом с поплавком медленно показалась из воды чёрная гребёнка. Рыбина толкнула поплавок боком, доплыла до усковского поплавка, толкнула боком и его и плавно опустилась на дно.



Я знал, что сейчас рыбы посовещаются и пошлют попробовать червяка самую маленькую рыбку. Так всегда бывает — первой пробует самая маленькая.

Рыбка, конечно, сопротивляется, прячется за спины старших, но её подталкивают вперёд, и в конце концов она — эх, пропади всё пропадом — разом хватает червя.

Поплавок ушёл под воду — я подсёк, и леска натянулась туго, до предела. Медленно-медленно я вывел рыбину на поверхность, бросил в лодку. Она ударила по дну хвостом, и «Одуванчик» загудел, как бубен.

Это был Чёрный Окунь. Он был горбат и крупноглаз. Плавники его горели ярче брусники.

Захотелось сорвать кувшинку, положить рядом с Окунем. Протянув руку, я взялся за скользкий и тугой стебель, потянул, кувшинка нырнула под воду и стала багровой в густой, насыщенной торфом воде.

ДЕД АВЕРЯ

Как только мы пристали к берегу, Мурзилка выскочил из лодки и сказал:

— У меня есть важное дело. Ждите меня под соснами.

Он убежал куда-то, а мы развели костёр, стали чистить окуней для ухи.

Скоро подошли к нам коровы, от которых не было, как видно, спасенья, а с ними пастух — безбородый дед с голубыми глазами. Он поздоровался и присел на корточки под сосной, молча разглядывая, как мы возимся с окунями.

— А вы, я вижу, из Москвы.

— Бывали в Москве? — спросил я.

— Бывал?.. Ну насмешил. Да я не то что бывал... я в Москве знаешь что делал... Нет, даже и рассказывать не стану, пугать тебя не хочется. А то у тебя глаза на лоб полезут.

— Отчего же они полезут?

— Полезут, когда узнаешь, чего я в Москве делал.

Тут дед поглядел мне в глаза, выясняя, не лезут ли они ещё на лоб.

— Видишь вон стожок? Запрошлый год пасу я там, вдруг с неба самолёт-вертолёт падает. Вынужденная посадка! Выскакивает из кабинки лётчик-молодчик. На голове кислородный противогаз. «Ах, — говорит, — дед, бензин кончился, теперь меня уволят». — «Отчего же, — спрашиваю, — тебя уволят?» — «Да везу я, — говорит, — важнейшую бандероль самому министру. Нет ли где тут бензину?» Ну, я сбегал домой, у племянника-то моего мопед,

ПЛАВАНИЕ НА «ОДУВАНЧИКЕ»

так в сарае канистра стояла литров на двадцать. Притащил, а лётчик говорит: «Всё равно меня уволят, опаздываю. Знаешь что, — говорит, — дед, слетай со мной в Москву, заступишься в случае чего, а то бригадир у нас строгий». Ну что ты скажешь, надо, паря, человека выручать. Залез я в кабину, лётчик ремнями меня прикрутил, и мы пошли на бреющем. Ты на самолёте-то летал?

— Летал.

— Ну на таком-то не летал. Это, паря, смесь самолёта с трактором. Летит, летит, вдруг остановится и, как трактор, по облакам ползает. Обползает всё облако, а то и внутрь забьётся и сидит там внутри, в облаке. А потом вдруг как вынырнет с рёвом. Вот, паря, какие самолётики бывают!

Прилетаем к Москве, приземляемся. Навстречу бригадир бежит: «Где бандероль? Ты что, международных осложнений захотел?!» Тут и министр выходит, я подаю ему бандероль — мне её летчик на хранение сдал. Министр бандероль прочёл и говорит мне: «А ты кто такой?» — «Так и так, — отвечаю, — дед Аверя».

«Как? — говорит министр. — Неужто ты и есть самый дед Аверя?»

«А как же, — отвечаю. — Я — это он и есть».

«Дорогой ты мой, — говорит министр. — Да ведь я твоё письмо знаешь где храню? На сердце».

И тут достаёт из сердечного кармана письмо, которое я ему прошлый год писал.

«Я, — говорит, — твоё письмо каждый день на ночь читаю. Пойдём со мной чай пить».

Дед Аверя вдруг замолчал и приложил к губам палец.

К костру подошла девушка в белом халате, волосы её были подвязаны чистенькой полоской марли.

ВЕДРО УХИ

— Опять про Москву рассказываешь? — строго спросила она деда.

— Да ты что! — возмутился дед, всячески подмигивая мне. — Про рыбку говорим, про раков.

— Знаю, знаю. Опять сказки рассказываешь.

— Это внучка моя, Зинушка, — сказал дед.

— Вы, наверно, врач или медицинская сестра? — спросил я.

Дед Аверя и Зинушка засмеялись.

— Я с коровами работаю, — пояснила Зинушка. — Доярка вроде.

— Почему же вроде? — спросил я.

— Ну, я только летом работаю, а зимой в школе, в десятый перешла.

— Она знаешь за месяц сколько молока надоила? Сколько вон воды в озере.

— Скажешь тоже, — покраснела Зинушка и поглядела на озеро, проверяя. — Столько мне и за всю жизнь не надоить.

— Да ты за две недели больше надоишь! — закричал дед, гордясь Зинушкой. — Её фото у нас даже на доске Почета висит.

— Там многие висят, — скромно пояснила Зинушка. — Из класса три человека.

Капитан-фотограф достал из рюкзака насквозь прокопчённую варежку и снял с костра ведро ухи.

Дед Аверя, Зинушка — все мы переглядываемся и перемигиваемся — сейчас мы будем есть уху. Под корнями высоких сосен мы сидим вокруг ведра с горячей дымящейся ухой. Мы не размахиваем ложками и не набрасываемся на уху. Мы знаем, что она должна чуть поостыть, с ухи должен сойти парок, мы внимаем её аромату. Невозможно сказать «мы нюхаем уху». Это звучит грубо. Мы дышим ухою. Я ввожу ложку в нежный организм ухи с тысячью предосторожностей.

Уховар-фотограф тревожно заглядывает мне в глаза, спрашивая: «Ну как?»

Не нужно фыркать, проглотив первую ложку ухи, и не нужно сразу же нырять в миску за вторым удовольствием. Отведав ухи, надо задуматься, поглядеть в небо, отложить в сторону ложку, отчего нервно вздрагивает сердце уховара, и только потом степенно сказать:

— Ничего, неплохо.

— Подходяще, — говорит дед Аверя. — Ой, подходяще.

Уховар-фотограф сияет, наливает всем добавки.

— Вы на Илистом-то озере бывали? — спросил дед.

— Не бывали.

— А ведь надо бы побывать. Там ведь Чудовище живёт.

— Да что ты, дед! — возмутилась Зинушка. — Опять сказки рассказываешь.

— Какие сказки! Самая правда! Там Чудовище живёт и перед восходом солнца из воды вылазит. Голова у него как у змеи, а тело на подводных крыльях. Я его раз десять видал.

— А что! — сказал мне Усков. — Надо бы нам поглядеть на это Чудовище.

И на следующий день мы отправились глядеть на Чудовище.

Окончание следует...

БОСИКОМ

А. МАТУТИС

На моей ноге босой —
Листик, смоченный росой.
Он смеётся: — Дурачок,
Ты наступишь на сучок,
Иль напорешься на пень.
Сапоги скорей надень! —
Листик я стряхнул с ноги:
— Ни к чему мне сапоги.
Дурачок я — ну и пусть,
Ничего я не боюсь!
Через поле прямиком
Славно бегать босиком!

Рис. С. ДЕНИСОВА

РОДИНА

М. ВАЙНИЛАЙТИС

Иволга запела,
Заиграла звонко,
И цветок несмело
Встал из травки тонкой.

Льётся над лугами
Песенка с рассвета,
Синими цветами
Родина одета.

И прильну щекою
Я к берёзке нашей,
Радугой-дугою
Родину украшу.

БЕЛАЯ МЫШКА

Р. СКУЧАЙТЕ

Я беленькая мышка,
Как снег мое пальтишко.
И очень грустно это,
Что я такого цвета...

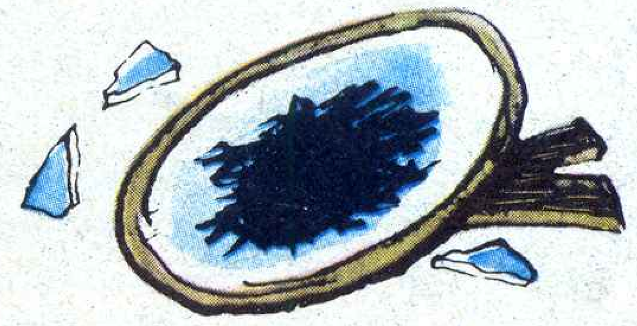
Ведь серенькие мышки —
Сестрёнки и братишки —
Живут в полу, за щелью,
Весёлою артелью.

То веточки, то корки
Грызут все вместе в норке.
Они живут не тужат,
Ну а со мной не дружат...

В норе уютно мышкам,
А мне вот грустно слишком.
Живу совсем одна я,
Я им — как неродная...

Ну чем я виновата,
Что белая, как вата,
Как пёрышко тумана,
Спустившегося рано,

Что в белый пух одета,
Как одуванчик летом.
Мне очень грустно это —
Что я другого цвета!



ЯГОДЫ ПОСПЕЛИ

Э. СЕЛЕЛЁНИС

Синие бусы черники висят,
В лес уводя, зазывая ребят.
Где вы, ребята?
Они уже тут.
Ягоды с кочек по-птичьи клюют.
Перекликаясь щеглами в лесу,
С веток трясут голубую росу.
Много ли каждый из них наберёт:
Ягоду в кружку,
а горсточку в рот.
Все голубые вернутся домой.
Дома теперь их попробуй отмой!

Перевела с литовского З. АЛЕКСАНДРОВА

РУССКИЙ

ПОЛЬСКИЙ

МЕКСИКАНСКИЙ

БОЛГАРСКИЙ

Одень куколку в национальные костюмы.

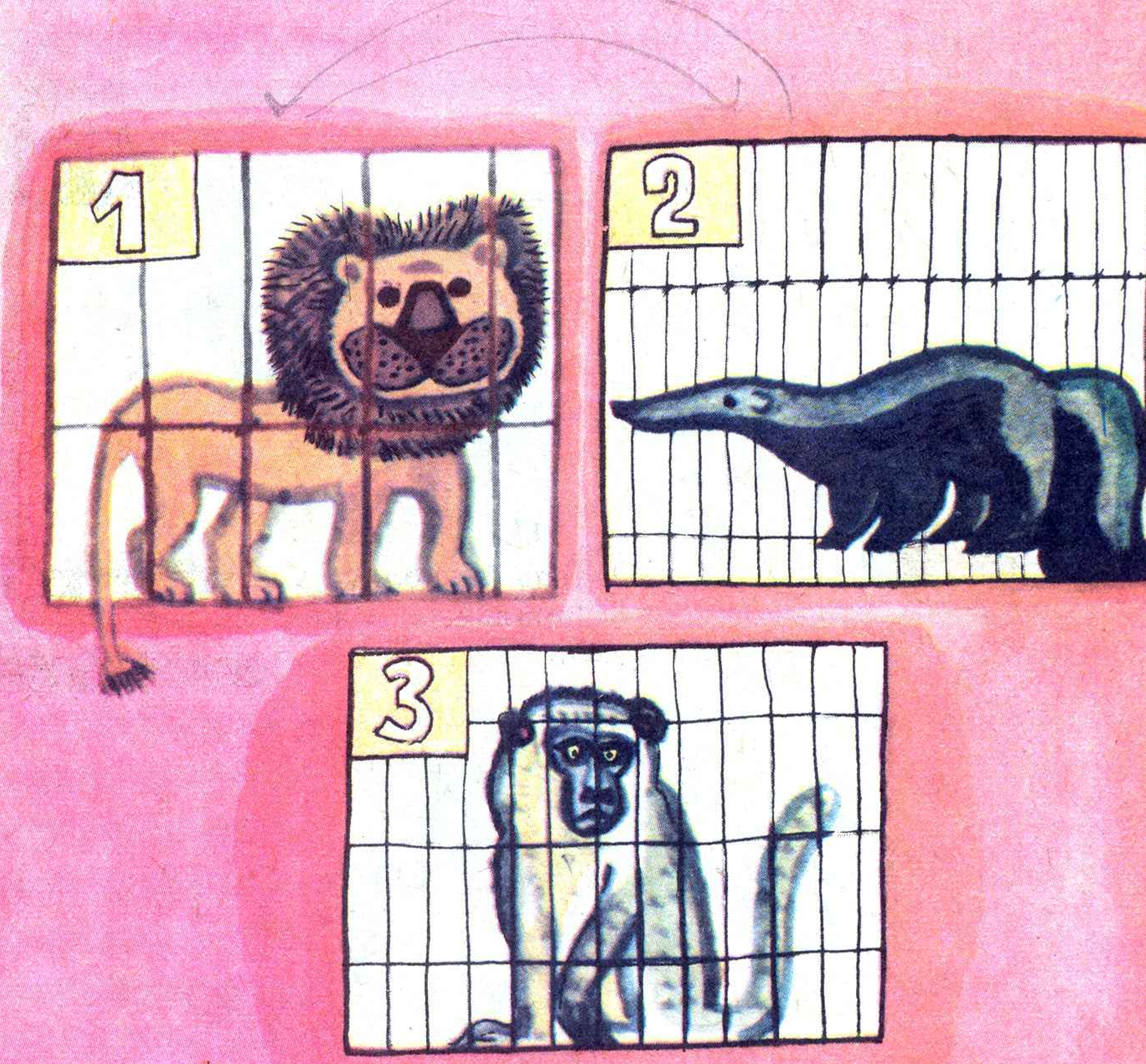
ПРАЗДНИЧНЫЕ НАРЯДЫ ДРУЗЕЙ

АНГОЛЬСКИЙ

БЕЛОРУССКИЙ

ТАДЖИКСКИЙ

? ПОДУМАЙ ОТГАДАЙ ?



Трёх зверей в клетках зовут Джек, Мухтар и Фантомас. Джек и Мухтар поменялись клетками, а затем Джек и Фантомас поменялись клетками. После этого обмена оказалось, что в клетке № 3 сидит Фантомас.

КАК ЗОВУТ ОБЕЗЬЯНУ?

В один из этих кувшинов налито молоко. Найди, в каком оно кувшине, если в зелёном его нет, а справа от кувшина с молоком стоит чёрный кувшин.

СКОРОГОВОРКИ

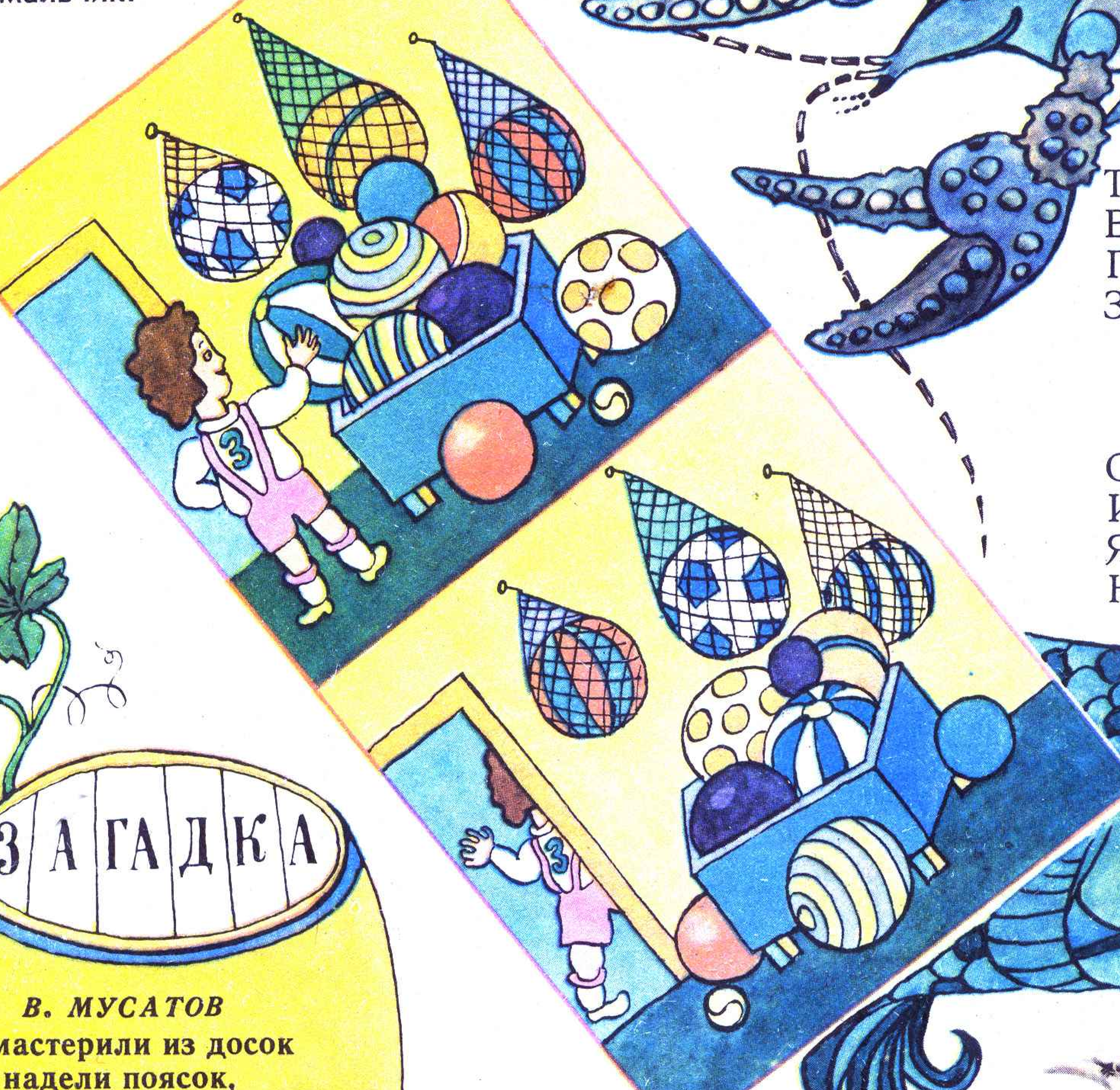
В. БАХРЕВСКИЙ

Толст тот,
Кто ест
Торт.

С. ДЕНИСОВ

Кира с Кириллом
ели сыр „Ко-
ралл“ с крилем.

Сколько разных мячей!
В какой мяч решил
поиграть
мальчик?

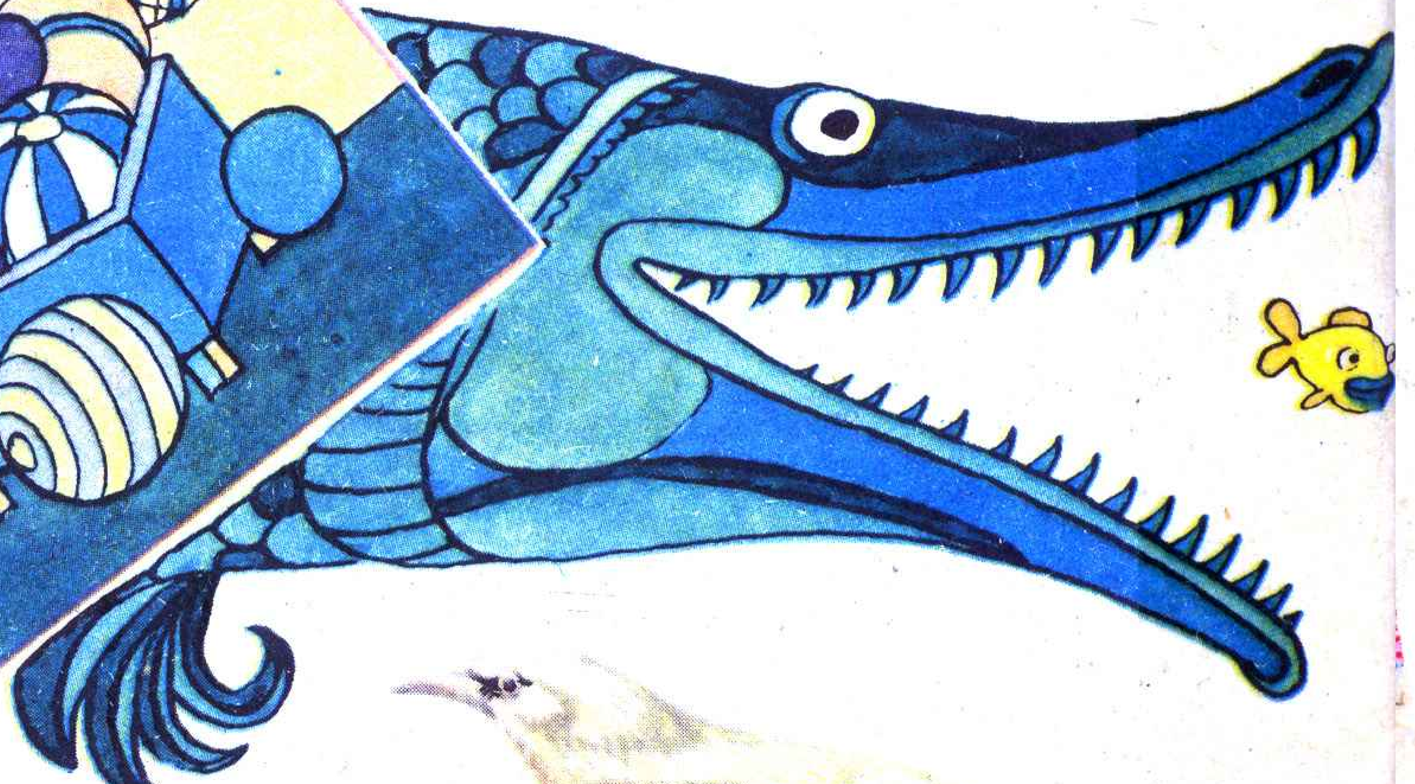


А. ЛЕОНТЬЕВ

Тихо, чтоб никто не слышал,
В речке рак из норки вышел.
Повернулся, а потом
Зашагал... вперёд хвостом.

ЩУКА

Стой, плотва и караси!
И пощады не проси!
Я хозяйка здесь, в пруду.
На охоту я иду.



ЗАГАДКА

В. МУСАТОВ

Смастерили из досок
И надели поясок,
И хранит посуда эта
С грядки собранное лето.

(Бочка)

РЕБУС

Если ты напишешь на кубиках первые буквы названий птиц, узнаешь, какая птица сидит сверху.

У кого из ребят какой номерок?

Какая часть карты мира в руках у Вани!

Что здесь лишнее?

СКОРОГОВОРКИ

Л. УЛЬЯНИЦКАЯ

За гиппопотамом
По пятам
Топает
Гиппопотам.

У четырёх черепах
По четыре черепашонка.

Рис. Г. СОКОЛОВА

Художник сделал пять перестановок.
Найди их, а потом раскрась деревянные игрушки.

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
В. МАТВЕЕВ

●

Редколлегия:
З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
А. Ермолаев,
Н. Емельянова,
Е. Ершова
(зам. главного редактора),
Ю. Казаков,
М. Коршунов,
А. Митяев,
Ю. Молоканов,
К. Орлова
(ответственный секретарь),
Е. Рачёв,
Н. Чеснокова,
В. Чижиков

●

Художественный редактор
Г. Макавеева

●

Технический редактор
Л. Петрова

●

Сдано в набор 18/V 1977 г.
Подписано к печати 1/VI 1977 г.
Формат $84 \times 108^1/_{16}$.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 831.

●

Адрес редакции журнала «Мурзилка», ордена Трудового Красного Знамени издательства и типографии ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

Рисунок на обложке В. ПИВОВАРОВА

Ребус

Напиши в клеточки названия предметов. Из букв в белых клетках сложится пословица.

Цена 10 коп.
Индекс 0553